

Эрих Мария Ремарк

Erich Remarque

Я жизнью жил
пьянящей
и прекрасной...

Издательство АСТ
Москва

Эрих Мария Ремарк

библиотека классики

Эрих Мария Ремарк

Erich Remarque

Я жизнью жил
пьянящей
и прекрасной...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-82
ББК 84(4Гем)я44
Р37

Erich Maria Remarque
BRIEFE UND TAGEBÜCHER

First published in the German language
as “Briefe und Tagebücher” by Erich Maria Remarque

Перевод с немецкого *А. Анваера* и *В. Куприянова*
Стихи в переводе *Н. Сидемон-Эристави*

Печатается с разрешения издательства
Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Я жизнью жил пьянящей и прекрасной... : [сборник : перевод с немецкого] / Эрих Мария Ремарк. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-17-178322-8 (С.: Библиотека классики)
Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

ISBN 978-5-17-083311-5 (С.: Возвращение с Западного фронта)
Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева*
студия «*FOLD&SPINE*»

В этот сборник вошли дневниковые записи, письма и стихи, которые Ремарк писал всю жизнь.

Один из величайших писателей XX столетия предстает обычным человеком — человеком, переживающим бурные романы и драматические разрывы с любимыми женщинами, с ужасом наблюдающим за трагедией одержимой нацизмом Германии 30-х годов, познающим неустроенность трудной жизни в эмиграции и радость возвращения домой после войны. Человеком, умевшим дружить и любить и даже в самые нелегкие времена не терявшим своеобразного, чуть саркастического юмора. Человеком, которого не могли изменить ни бедность и безвестность, ни всемирная слава...

УДК 821.112.2-82
ББК 84(4Гем)я44

© The Estate of the late Paulette Remarque, 1998

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Cologne/ Germany, 1998

© Перевод. А. Анваер, 2016

© Перевод. Н. Сидемон-Эристави, 2016

© Перевод. В. Куприянов, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Содержание

ПИСЬМА 1917–1970. <i>Избранное</i>	7
ДНЕВНИКИ. <i>Выдержки</i>	181
1918	183
1935–1955	199
1964–1965	455
СТИХОТВОРЕНИЯ	463
Комментарии к письмам	487
Комментарии к дневникам	552
<i>Эрих Мария Ремарк</i> . Краткая биография в датах . .	592

Письма

1917–1970

Избранное

*Георгу Миддендорфу. Бат. I.R. 15, II. Саперная рота Бете
Торхаут, 01.08.1917 (среда)*

Дорогой Допп!

Лежу теперь в Торхауте в лазарете, но иду на поправку. Я почти не пострадал, легкие ранения, никаких болей, скоро уже все пройдет. Муку ты можешь на этот раз послать домой в маленьких полевых почтовых пакетах, хорошо упакуй — Луизенштр., 28. И еще сало в котелке. Мои чулки и прочие вещи можешь пока взять себе, я сообщу тебе мой адрес или скоро зайду сам. Здесь я могу основательно отоспаться.

Большой привет.

Твой

Эрих.

*Георгу Миддендорфу. I.R. 77. Германская полевая почта
744*

Дуизбург, 25.08.1917 (суббота)

Дорогой Допп!

Как твои дела? Хорошо! У меня все в полном порядке.

Я уже бегаю, могу выходить, когда захочу, получаю добрую еду и сердечность — что еще можно пожелать! Мой запасной батальон I.R. 78 в Оснабрюке. Туда меня позже отправят!

Здесь, в канцелярии, я получил должность писаря. Надеюсь остаться при ней подольше. Придется положиться на везение и старание. Когда ты меня наве-

стишь? Скоро? Учитесь ружейным приемам, или что там у вас? Уже побывали в окопах? Кто еще ранен? Как там наш любимый капрал? Передавай ему мой большой привет. Ты видишь, у меня куча вопросов, на которые ты когда-нибудь ответишь моему

Эриху Ремарку.

*Георгу Миддендорфу
Дуизбург, 26.09.1917 (среда)*

Дорогой Допп!

Прости за долгое молчание. Умерла моя мать, поэтому я уехал в Оснабрюк и мне было не до писем. Я тебе обо всем расскажу. Кольраутц, который получил ранение в живот, через несколько дней скончался. И представь себе: Тео Троске, раненный в пятку, получил еще три ранения в голову. Несчастный парень тоже умер через несколько дней. Вимана* я встретил в Оснабрюке. У него осколочное ранение снизу через бедро в область живота. Осколок еще в нем. В. будет через несколько дней направлен в зап. батал. I.R. 15. Кранцбюлер потерял ногу до колена. Он в городской больнице и в очень плохом состоянии.

Мясник Товер ходит на костылях. Это была сердечная встреча! Да, ты еще не знаешь: у меня новое ранение в шею! В остальном в Оснабрюке все по-прежнему. Я побывал в школе — Бок совсем плох! Он хочет поехать на воды. Я встретил его на Хазештр., когда он подвозил какую-то женщину, поскольку Клеменс исчез: «Черт возьми, фрау, где же Клеменс? Он, конечно, остался дома?» — «Да, парень, я не знаю. Я его не видела!» При этом Клеменс стоял рядом с ним и с ним разговаривал. «Вот как, тогда я вам желаю скорого выздоровления». В школе все как обычно. Папу Хильтера* я здорово вывел из себя. Еще бы несколько шпилек по поводу дезертирства, и я бы с удовольствием его покинул. Адольф

как раз купил огурцы, когда я пришел. Понимаешь, почти все 99-го года на фронте. Здорово, да?

Меня еще не скоро выпишут, раны зарастают плохо. Плевать! Не буду об этом сокрушаться. И как твои дела, Допп, мой дорогой? И что с моей постелью? И с Антигоной?* И как там с обмотками у маленького ефрейтора, и Шеффлера, и капрала? И со всеми короткими штанами? Если ты можешь мне написать адреса товарищей, напиши, пожалуйста. Большой привет Джонни, Боргельту, Трапхенеру и пр. знакомым.

И ты, дорогой Допп, в своих русских сапогах и со своей прозорливостью напишешь, конечно, и довольно скоро твоему

Жирияге.

Георгу Миддендорфу

Дуизбург, сентябрь/октябрь 1917

Блистательный Допп, мошенник мой любимый!

Сердечное спасибо за открытку. Итак, мои раны все еще не залечились. Но я принял меры, которые еще долгое время позволят мне занимать койку в лазарете и дальше флиртовать с дочкой всемогущего госпитального инспектора*, а также помогать в качестве писаря канцелярского. Думаю, если вдруг чудесным образом не упадет кирпич с крыши мне на голову или что-то подобное ужасное не случится, то морозную зиму пережить удастся. Можно будет прогуливаться, когда захочется, шалить со стойкой рейнской девицей, устраивать фортепьянные концерты, изображая виртуоза, вызывать глубокое сочувствие у сестер из Красного Креста и провозжать их до дому.

Таков субъект всеми здесь любимый. С отдельной комнатой и мягкой постелью. Музицирует, почитывает и вспоминает часто своих друзей, милый Допп! Хотел бы я таким хитрецом оставаться. Заходить в канцелярию и заигрывать с дочкой инспектора, давать уроки

музыки докторским детям. Оставаться в лазарете блестяще и смиренно едяще.

О великолепное жаркое свинячье!

Всем товарищам по саперной роте привет. Стараюсь быть хитрее и оставаясь самим собой
и товарищами любимым,

Жирующий!

Пиши же мне о своей жизни, как вы там. Имею большой интерес *как пишущий роман**.

Георгу Миддендорфу

Дуизбург, 10.01.1918 (четверг)

Дорогой Допп!

Сочувствую тебе от всего сердца! Вот дерьмо, в такой холод в воронках карабкаться, с застывшими ногами и руками стоять в карауле и вообще уже больше не быть человеком. К нам недавно пришел санитарный поезд из Камбрая. Ребята тоже очень жалуются на холод и лед на фронте. У них притом ужасные ранения, ампутации, раны величиной с детскую головку, перебиты кости и подобное. Мне иногда кажется преступлением, что я здесь сижу в тепленьком местечке. Как там, собственно, сейчас у вас? Расскажи мне об этом; ты знаешь, меня это очень интересует!

Тебя уже повесили в звании?

Есть ли уже у тебя знак отличия?

Сколько вас еще осталось?

Хочет ли Джонни все еще стать офицером?

Что подельвают Шеффлер и капрал возлюбленный?

О Зеппелях ты, конечно, тоже ничего не знаешь.

Где вы были на Рождество и на Новый год?

Впрочем, прими поздравления к обоим праздникам; чтобы ты сберег и дальше свое брненное тельце; возможно, с легким ранением попадешь в Дуизбург. Тогда сразу получишь у нас назначение в канцелярию.

Я на Рождество и на Новый год не был в отпуске в связи с отменой отпусков.

Но Рождество и Новый год были здесь очень приятны. Медицинские сестры ходили с ангелочками и заженной новогодней елкой, было много подарков в каждой палате, где бедные парни лежали в постелях и от волнения даже не могли петь старые рождественские песни. Многие прикрывали глаза руками, я видел, как взрослые люди плакали, как дети, и их сердечную тоску и тоску по дому доверяли белым подушкам. Я, собственно, должен был помогать при сюрпризах, так как каждому из раненых поручили вручить в подарок от города — по три буханки хлеба.

Это Рождество мы оба, пожалуй, никогда не забудем: ты в развалинах, крови, дерьме и смерти; я в лазарете.

Но война все же скоро закончится, и мы снова встретимся.

Если я попаду в запасной батальон, я прежде всего посмотрю, удастся ли мне снова вернуться к вам. Я бы хотел снова оказаться вместе с тобой. Возможно, ты уже станешь капралом, и я попаду под твоё командование. Но тогда тебе придется со мной непросто.

О семинаре я больше ничего не слышал. Я постараюсь узнать, что там нового, и сразу поделюсь с тобой. Или знаешь что? Что поделывают коллеги? Надеюсь, никто из них не погиб?

Огромный мирный привет.

Твой

Жирияга.

Людвигу Бете

Дуизбург, 19.10.1918 (суббота)

Дорогой господин Бете!

Ваши стихи меня очень порадовали своим тонким стилем. У Вас я нашел то, что я особенно люблю — настроение! Я всегда представляю себе стихи как карти-

ну. Как в картине следует держаться совершенной гармонии линий и красок, избегая лишних цветов, выбирать очень тщательно, так и в стихах. Краски — это слова, и линии — это звуки. Надо тщательно подбирать каждое слово, каждое слово дает общей картине оттенок или цвет. Возьмем Ваше первое стихотворение. Если бы Вы сказали: «Из *далеких* лесов прихожу я», тогда бы с самого начала в стихотворении прозвучала бы робкая печаль, нежное веяние. Тогда бы показались и следующие слова о вечерней заре глубокими: «тяжелые кроны деревьев» и «поднялись выше башен». Вы должны были бы написать: «Из *голубых* лесов» — это подходит к глубине, к цветовому настроению стихотворения. Это создает прекрасную картину, голубые леса и красное золото вечера. То, что линии в картине, то и звучание в стихах. Под звучанием я понимаю скорее внешний выбор слов. Напр., слово в «Сумерках»: «Umwacht!» Очень здорово! Это великолепное мягкое w — «Umwacht» — сразу слышишь низкий темный звон колокола! Или: «Da fährt *die Seele sacht*» — здесь слышишь лодку.

Сон в сумерках. Тот, кто вдруг очнулся, медленно поднимает лицо, последнее сияние отражается в нем, он говорит из глубины своей взволнованной души. Это может быть началом вашего стихотворения. Это сумерки, но цветные. Не весенние — или осенние сумерки, — нет, *эти* сумерки — сумерки души! Мир дышит в Ваших стихах, но не глупый вечный мир, нет, это мир преодоления! Можно видеть, что Вы днем без усталости бились над проблемой: Бог — Мир — Жизнь, — чтобы вечером открыть свои душу и сердце чудесному миру желаний всей природы. И вижу в Ваших стихах не только мечтателя, но и бойца! Зримое тому доказательство я нахожу в последнем стихотворении. Это Ваша манера, наша манера! Детская песня приносит избавление. Если кто-то ищет мира в Канте, Шопенгауэре, Ницше и его не находит, тогда пусть ему при-